

Смена 16 июня 2001 г., № 124 (22914)

Смена - с. 10
2001 - 16 июня
с. 10

Накануне

26 - 27 января 1837 года

Пушкин А.С.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАЙНЫ

16.06.2001

Письмо, которое Геккерн написал Пушкину в ответ на его письмо, было составлено в таких выражениях, что позволяло привести дело к примирению. Пушкину напомнили, что он сам письменно признал поведение Дантеса благородным, теперь же отступает от своих слов. Предлагалось немедленно встретиться с Дантесом без всяких отсрочек. В конце письма была помещена фраза, позволяющая заключить, что, вызывая Пушкина на дуэль, Геккерны первоначально не думали, что поединок состоится на самом деле. "Впоследствии я научу вас, как надо относиться к особе моего сына", - писал Геккерн-дипломат. Что значит "впоследствии"? На том свете, что ли? Не случайно вызов был послан от имени Дантеса, хотя оскорблен был Геккерн. Геккерны намеренно подставляли на место Геккерна Дантеса. Это делало мотивацию Пушкина уязвимой. Ведь он в конце ноября 1836 года уже взял свой вызов назад. Видимо, Геккерны надеялись, что Пушкин не станет стрелять в свояка, рискуя сделать свояченицу вдовой, и дуэли не будет и на этот раз. Показательно, что в письме Геккерна, одобренном Дантесом, не идет речь о присылке секунданта, а лишь говорится о необходимости немедленной встречи Пушкина и Дантеса. Ведь если бы речь шла о месте поединка, то условиться об этом должен был бы секундонт Дантеса с секундантом Пушкина, а отнюдь не с ним самим. Очевидно, в этот момент Геккерны еще надеялись на мирный исход. Но, получив письмо Геккерна, одобренное Дантесом, Пушкин решил тотчас же устроить публичный скандал.

К сожалению, мы не знаем точного времени, когда Пушкин постучался в двери нидерландского посольства. Однако едва ли нужно сомневаться в том, что именно этот визит сделал ход событий необратимым. У Геккернов не осталось сомнения в том, что публичный скандал можно предотвратить только немедленной дуэлью. Поэтому они взяли инициативу в свои руки. Видимо, лишь тогда д'Аршиак послал Пушкину записку о том, что ждет его секунданта у себя до 11 часов, а после на балу у Разумовской. Если бы дневная встреча д'Аршиака и Пушкина имела место, то именно на ней аташе французского посольства должен был бы договориться о том, где и когда он будет ждать секунданта поэта. Зачем же было повторять отдельной запиской то, о чем уже было уговорено? Записка д'Аршиака не оставляет сомнений в том, что никакой встречи с Пушкиным днем или вечером 26 января у него не было. Первый же их разговор состоялся на балу у Разумовской. Тогда же секретарю английского посольства А. Медженису было предложено стать секундантом Пушкина. Не совсем понятно, кем именно было предложено, - есть сведения, что д'Аршиаком. Но Медженис отказался и в 1 час 20 минут пополуночи письменно уведомил Пушкина об этом.

утра 27 января восстановить не так просто. Но создается впечатление, что еще накануне Пушкин не был уверен в том, что Дантес действительно выйдет к барьеру.

В первой половине дня должна была состояться встреча Пушкина с А. И. Тургеневым, о чем они договорились на балу у Разумовской. А. Я. Булгаков в письме к О. А. Долгоруковой утверждал, что на балу Пушкин пригласил Тургенева "на другой день (то есть 27 января. - Авт.) прийти к нему послушать чтение и назначил ему час, когда сам должен был быть уже лицом к лицу со своим противником". Слова почт-директора подтверждаются запиской, которую Пушкин отослал А. И. Тургеневу: "Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов". Как мы уже видели, по словам Тургенева, Пушкин написал эту записку пе-

который вызывает еще большее недоумение.

"Так как это Геккерн-сын считает себя оскорбленным, я не имею никакого желания... - написал Пушкин, потом исправил: "Я не имею никакого желания посвящать петербургских зевак в мои семейные распри, отыскивая себе секунданта, лично я в нем не нуждаюсь. Так как вызывает меня и считает себя оскорбленным г-н Геккерн сын, пусть он его мне и находит, если он не может совершенно без него обойтись, я заранее его принимаю, будь то хотя бы его выездной лакей. Что же касается часа и места и проч., то я всецело в его распоряжении. По нашим, русским обычаям этого достаточно. За сим, я имею честь сообщить вам, что более мне нечего ответить на письмо господ Геккернов. Прошу вас поверить, виконт,

езность намерений Геккернов выйти к барьеру. Он полагал, что переговоры секунданта - это уловка, с помощью которой нидерландский посланник хочет прекратить дуэль. Именно потому Пушкин послал Тургеневу записку: "Жду Вас до 5 часов". Однако д'Аршиак продолжал настаивать. Геккерны видели в Пушкине потенциальную опасность публичного скандала и поэтому добивались поединка во что бы то ни стало. В час дня д'Аршиак прислал новую записку Пушкину: "Оскорбивши честь барона Жоржа Геккерна, Вы обязаны дать ему удовлетворение. Вы обязаны найти своего секунданта. Речи не может быть о том, чтобы Вам его доставили. Готовый со своей стороны явиться в условленное место, барон Жорж Геккерн настаивает на том, чтобы вы соблюли законные правила. Всякое промедление будет рассматриваться им как отказ в том удовлетворении, которое вы обещали ему дать, и как намерение оглаской этого дела помешать его окончанию. Свидание между секундантами, необходимое перед дуэлью, становится - раз Вы отказываете в нем - одним из условий барона Жоржа Геккерна, а Вы мне сказали вчера и написали сегодня, что Вы принимаете все его условия". Нельзя не признать, что с чисто формальной стороны д'Аршиак был совершенно прав. Но Пушкин все же добился своего и поступил так, как писал д'Аршиаку.

Восстановить последние события помогает записка В. А. Жуковского, сделанная для самого себя. Именно она позволяет опровергнуть показания секунданта К. К. Данзаса во время следствия о дуэли и его последние воспоминания.

С. Л. Абрамович предприняла неудачную попытку примирить противоречащие друг другу свидетельства Жуковского и Данзаса. Для этого ей пришлось совершить насилие над текстом. Совершенно произвольно она соединила данные двух текстов в один и, чтобы согласовать их, изменила по собственному усмотрению время, в которое происходили описанные события, перегруппировав их, как находила удобным. Для этого ей пришлось выдумать, что Пушкин сам посетил Данзаса, покинув свой дом в 11 часов. Между тем дело в действительности обстояло наоборот.

Согласно записи В. А. Жуковского, достоверность которой не вызывает ни малейших сомнений, день 27 января протекал так. После 11 часов утра в доме Пушкина появился К. К. Данзас, его лицейский товарищ. Видимо, он был вызван запиской Пушкина. После нескольких минут, проведенных за закрытыми дверями, Данзас отправился за пистолетами. Пушкин тем временем вымылся, переоделся во все чистое и в час пополудни отправился пешком в сторону Невского за извозчиком.

Затем в условленном месте Пушкин встретился с Данзасом. Возможно, в кондитерской Вольфа и Беранже на Невском, а может

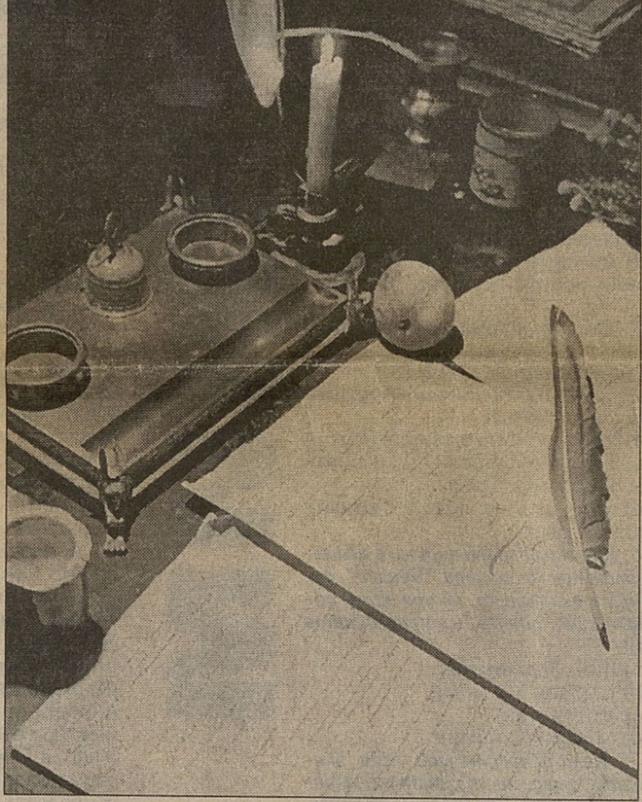
быть, на Цепном мосту, как на следствии по делу о дуэли утверждал Данзас, стараясь представить свое участие в поединке совершенно случайным. После они поехали во французское посольство. О том, что там происходило, четверть века спустя Данзас рассказал А. Н. Аммосову, а тот записал и опубликовал все услышанное. Согласно этому свидетельству, Пушкин после "приветствия с хозяином" начал рассказывать Данзасу суть дела. Он закончил свое объяснение так: "Я должен вам сказать одно, если дело не закончится сегодня же, при первой же встрече с Геккернами, отцом или сыном, я плюну им в лицо". После этого он представил Данзаса как своего секунданта. Затем уехал домой, предоставив ему условиться о дуэли. Составив письменные условия, Данзас возвратился к Пушкину. Александр Сергеевич принял все условия не читая. Договорились встретиться в кондитерской Вольфа и Беранже. Данзас отправился сделать нужные приготовления. Он нанял парные сани и заехал за пистолетами в лавку Куракина. Около четырех часов он встретился с Пушкиным в кондитерской, и они отправились на место дуэли.

Рассказ Данзаса вызывает самые серьезные сомнения. Из записей Жуковского мы знаем о том, что после 11 часов Пушкин послал Данзаса за пистолетами, сам же поэт, покинув дом в час дня, вернулся в него только после дуэли. Заметим, что после того как Пушкин и Данзас побывали в посольстве, им не было никакой необходимости разлучаться. Пушкин не мог послать Данзаса за пистолетами, так как они у него уже были в тот момент, когда он вместе с Пушкиным переступил порог французского посольства. Очевидно, вымысел о посылке Данзаса за пистолетами после посещения посольства и возвращения Пушкина домой был создан, чтобы подчеркнуть случайный характер участия Данзаса в поединке. Заметим, что если бы не было необходимости покупать пистолеты, то Пушкину и Данзасу как будто не для чего разлучаться. Сани можно было нанять, выйдя из дома вместе, да они, по всей видимости, уже имелись. Ведь дуэлянты приехали во французское посольство на санях.

Трудно поверить, чтобы Пушкин, не желавший никаких объяснений между секундантами, стал бы читать в посольстве текст своего письма к Геккерну. Да и зачем его было читать, ведь д'Аршиак этот текст отлично знал, Данзас же, купивший пистолеты, конечно, был уже осведомлен о том, зачем они понадобятся.

Видимо, никаких объяснений между секундантами о существе дела и не было. Скорее всего именно здесь был решен вопрос об условиях дуэли и отсюда Пушкин вместе с Данзасом отправился на место поединка.

Навстречу собственной гибели.

ред дуэлью. Очевидно, вначале на балу у Разумовской договорились, что Пушкин 27-го утром, как и в предыдущие дни, придет к Тургеневу заниматься чтением парижских бумаг. Но планы изменились, поэт был вынужден остаться дома и сам пригласил к себе Тургенева. Но тот не пришел.

В 9 часов утра Пушкин получил записку д'Аршиака: "Сегодня утром я еще раз настаиваю на том требовании, которое я имел честь вам объявить вчера вечером". (Обычно эту фразу переводят так: "Я ожидаю - сегодня же утром - ответа на мою записку, которую я имел честь послать к вам вчера вечером". Но такой перевод неточен: речь шла не о записке, а о разговоре на балу у Разумовской.) "Мне необходимо, - продолжал д'Аршиак, - переговорить с секундантом, которого вы выберете, притом в возможно скором времени. До полудня я буду дома; надеюсь еще до этого времени увидиться с тем, кого вам будет угодно прислать ко мне". Ответ Пушкина был таков, что и сегодня не может не озадачить исследователей. Сохранился черновик ответа,

что это мое последнее слово и что я не тронусь из дома лишь для того, чтобы ехать на место встречи".

Это письмо не оставляет сомнений, что никакой встречи д'Аршиака и Пушкина в доме поэта 26 января не было. Иначе выглядел бы, мягко говоря, странным отказ Пушкина прислать секунданта, если Пушкин уже пообещал это сделать. Возлагать выбор секунданта на противоположную сторону было совершенно противно дуэльному кодексу, и Пушкин это прекрасно знал. Отчего же он поступал именно так?

П. Е. Щеголев дал этому такое объяснение. Пушкин "не мог сдержать себя, своей досады на невольную и нелегко исполнимую обязанность найти секунданта". С. Л. Абрамович вообще воздержалась от комментариев. Если Пушкин действительно жаждал развязки, хотел смыть кровью нанесенное оскорбление, очиститься и разоблачить легенду о благородстве Дантеса, он ни в коем случае не должен был поступать так. Ему следовало бы как можно скорее отыскать секунданта и отослать его к д'Аршиаку.

Создается впечатление, что Пушкин не верил в серъ-

123